

господствующих общественных ценностей, включая идеологию; интересов тех или иных социальных групп. Речь идет о социальном конструировании исторической памяти, которая предстает «как процесс, мобилизирующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы». [2, с. 129]

Историческая память – важнейшее условие сохранения культурного кода нации, ее идентичности. Взрослость нации, ее духовное богатство определяются не совершенством гаджетов, а образованностью, культурным багажом, системностью мировоззрения граждан. Духовная культура как человечества в целом, так и отдельных народов сегодня на перепутье. В прошлые исторические эпохи (по крайней мере до становления информационного общества) культура развивалась преимущественно естественным путем, путем социального наследования. Ее развитие можно было уподобить росту дерева: что-то росло, что-то отмирало, но процесс был преимущественно естественным. В настоящее время все кардинально меняется. Политтехнологи, постмодернисты в культуре изобретают и навязывают обществу свои стандарты, клише, ценности, которые порой противоречат базовым ценностям культуры многих стран и народов. Традиционный, позитивный, в чем-то консервативный мир разрушается. Наступило информационное изобилие. Миллионы людей очутились в безбрежном информационном океане. Все ранее неприемлемое стало возможным, маргинальное в одночасье стало нормой. Постепенно отменяются прежние нормы и запреты цивилизации. Пространство приличного до предела растянуто. Вот почему процесс развития культуры нельзя пускать на самотек. Культуру необходимо защищать, предохранять от негативных влияний глобализации, ее нарастающей технологической мощи. Эта мощь и впредь будет увеличиваться, вопрос только в том, как ее умирить. Никуда не уйти от известного положения о том, что культура начинается с запретов. На них основываются многие общечеловеческие ценности: десять христианских заповедей, пять буддистских и т.д. Без них культура превращается в труху. Вот почему задача культурной политики государства – сформировать такие механизмы, которые бы поставили заслон перед цунами вседозволенности, рыночной культуры с ее пошлостью, не требующей глубины мыслей и чувств. При этом, конечно, важно учитывать, что важнейшей основой, которая обеспечивает обогащение и саморазвитие культур, является их диалог. Любая культура может развиваться, если она тесно связана с общечеловеческими ценностями. Но обустроить свою страну, опираясь только на достижения других наций невозможно, необходимо сохранять свою духовную основу, свой духовный фундамент и на нем возводить здание, используя все ценное в иных культурах.

1. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
2. Капитонова Т.А. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты / Т.А. Капитонова, В.А. Белокрылова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. научных трудов. – 2017. – Том 23. – С. 126-130.

НОВАЦИИ МАРКСА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.Д. Жукоцкий, З.Р. Жукоцкая (Могилев, Беларусь)

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

В истории мировой культуры бывали периоды, когда то или иное направление ее развития еще не было отчетливо определено, но оно уже было задано основной идеей, общим потенциалом того или иного учения. При этом всегда оставался открытым вопрос: что за чем следует? – культура ли в целом за ее индивидуализированными формами или, напротив, ее индивидуализированные формы за общей, но скрытой, логикой культурного развития? В нашем случае это не имеет большого значения, хотя для себя не трудно отметить, что в действительности обе последовательности представлены в полной мере и все зависит от угла зрения на нее. Гораздо важнее сейчас определиться в том, что всякое конкретное учение как культурное явление, либо находится в контексте новейшей тенденции развития культуры в целом, либо не находится в нем, оно либо восходит на острие новаций, либо остается в ее арьергарде. Обе позиции по своему важны для целостности и непрерывности культурного процесса. Но они просто незаменимы при определении самого вектора культурной новации.

Новация Карла Генриха Маркса (1818 – 1883) – философа, социолога, экономиста, писателя, поэта – состоит в том, что он вслед за Фейербахом раскрыл потаенную сущность христианства в свободных от теизма формах. Но в отличие от Фейербаха он перенес этот процесс самораскрытия европейской культуры из сферы сознания и самосознания в естество социокультурного процесса. Отныне, все, кто следовал за ним, а часто независимо от него, были озабочены одним – **показать горизонт включенности сознания в нечто, несравненно большее, чем оно само.** Этим большим могла быть ницшеанская «воля к власти» или фрейдовское «психическое бессознательное», но это могло быть хайдеггеровское «бытие» и даже гуссерлевская «феноменология». Важно другое: в европейской культуре появился новый вектор –

глобальной секуляризации сознания, когда даже значимая трансцендентность обрела черты естественной рядоположенности имманентному. Особенность учения Маркса в том, что его сеть оказалась раскинута наиболее широко, точнее, предельно широко, настолько широко, что первичная вульгаризация гениального озарения (в том числе и у самого Маркса) стала неизбежной и прежде, чем подступиться к его содержанию, потребовалась целая эпоха поисков разнообразных подходов к нему; в том числе и в старых теистических одеждах, как непримиримого «веховства», так и не менее непримиримого, сектантски организованного большевизма. Очевидно, что и в наше время этот процесс не завершен: загадка стоимостных (читай - ценностных) отношений, как аналога и естества субстанции человеческой идеальности, по-прежнему требует своего разрешения. Это хорошо понимал Э. В. Ильенков, но почему-то упорно отказываются понимать его ученики.

Если учесть принципиальную разницу между идеальным – потенциальным *марксизмом* и той его разновидностью, которую являла собой русская социал-демократия левого толка в лице большевиков, то можно сказать, что первый в начале XX века *собрал* русских духовно, а второй – организационно-практически. Разумеется, этот тезис требует своего всестороннего обоснования, но и в рамках данной работы есть возможность наметить его основные пути.

Идеальные параметры марксизма общеизвестны. Они несут в себе черты возрожденческого титанизма. Это радикальная установка на снятие *буржуазного* отчуждения, культа денег как самодостаточной и всерегулирующей сущности, господства капитала (мертвого труда) над живым трудом, и связанная с этим идея пролетарского мессианизма, освобождение личности от материального рабства, как в форме нищеты, так и чванливой сытости, от рабства самодавляющей традиции (духовной и материальной), утверждение абсолютной открытости человека перед миром, принципа социализированной индивидуальности, согласно которому «всестороннее развитие каждого есть условие развития всех», в мировоззрении – это особая разновидность *субъективного* материализма, как *философия практики*, деятельного отношения человека к миру, согласно которому становление человека есть *самостановление* человека в мире и мира в человеке, при этом *трансцендентность* органической целостности мира («Бога»), не отрицается вовсе, но предстает как относительная и приоткрывается человеку в моментах творческой активности, совершаемого им со-бытия, в исторически абсолютном утверждении ценности науки и искусства как форм *всеобщего труда*, наконец, потенциал религии из замкнутых догматических форм «положительных вероучений» переходит в разряд «мировоззренческих установок» и растворяется в непосредственном жизненном процессе, *становится самой жизнью*, как об этом мечтал Бердяев, даже не догадывавшийся о том, что проходит азы *неизвестного* Маркса.

Возникает вопрос: в какой мере этот мистически скрытый, **потенциальный марксизм**, в качестве умозрительного символа эпохи отражал духовные запросы и идеалы Серебряного века, оказывался невольным их выражением? Нет ли созвучий в их общем контексте? В число характеристик этой культурной эпохи входит не только ее антибуржуазная (или в лучшем случае – околбуржуазная) направленность, но и нацеленность на особый русский путь, реализацию народнической мессианской идеи, основанной на том, что усилиями Петра весь народ в России был превращен в своеобразный тип пролетария-общинника-раба и требовал, наконец, своего векового освобождения. Отсюда культ освободительного движения в среде русской интеллигенции, нацеленный против самодержавия: светского и духовного. Впрочем, в России они были слиты не только функционально, но и организационно, что усугубляло кризис официальной церкви, не спешившей расставаться с вековым, укрывшим ее от ветров современности, основоположением: быть под крылом светской власти. В этой ситуации из триединой уваровской формулы России «самодержавие-православие-народность» актуально-действующим оставался последний ее элемент, превращенный историей в **самодержавие народа**. Отсюда ясно, что даже консерватизм в России не мог быть замешан иначе, как на радикальной социальной идее, которая в конечном счете все равно работала на левых.

Сам тип русского философского сознания был *социально и нравственно* ориентирован, как это имело место и в марксизме, для которого социальная справедливость, как бы она не рядилась в одежды учености, в решающий момент всегда стояла выше холодной истины. Важнейшая черта культуры Серебряного века – максимализм идей в сочетании с предельной жесткостью дискуссий, радикализм во всем, когда «нормой становится крайность». И над всем – культ творчества – духовного, социального, технического. Взрывающий традиции «бред» революции проникает повсюду. Д. Мережковский «бредит» о Третьем Завете, о Евангелии Святого Духа. Н. Федоров разрабатывает «философию общего дела» с ее фантастической, но переведенной в техническую плоскость программой *воскрешения отцов*. Н. Бердяев упрекает левых социал-демократов за недостаточный (!) радикализм, замкнутый лишь на перевороте в материальной сфере, который должен быть дополнен переворотом в духовной сфере. В. Розанов, Вяч. Иванов и все в той или иной мере участвуют в разработке самых радикальных идей «философии пола». А. Богданов строит грандиозную перспективу общества, основанного на принципах «организационной науки», ставшей в наше время основой «системотехники». К. Циолковский уже построил проект выхода человека в космос и практического освоения космического пространства с помощью ракетных двигателей. При этом

образ соловьевского «Богочеловечества» витает над всеми, обретая ту или иную степень секуляризации. Нужно ли говорить, что именно потенциальный марксизм образует собой то идеальное пространство, которое способно удовлетворить каждое из этих направлений мысли.

Влияние Маркса на русскую культуру Серебряного века не только явно, но и тайно, не только актуально, но и потенциально, дано не только в форме признания, но и отрицания. Так случилось, что к началу XX века какие бы течения общественной мысли не выходили на арену публичных дискуссий – либеральные или консервативные, или их сложного сочетания – они всякий раз включали в способ своего самоопределения свое отношение к марксизму, к новомодному «экономическому материализму», к новейшей русской социал-демократии. И это при том, что какой-либо цельности в восприятии марксизма не было. Были сотни марксизмов, у каждого направления своя тень. Но идеальный источник света был один: социокультурная заданность в восприятии – раздражающем или умиротворяющем – именно этого вектора мировоззренческих ожиданий. Они сочетали в себе торжество светского, практического человека-творца с потенциалом массового социально-религиозного движения, способного обновить «устой». Вот почему марксистское или около-марксистское направление мысли при всех колебаниях общественных настроений оставалось все время на слуху, становясь своеобразным камертоном общественного сознания. Две ипостаси русского марксизма – *духовно-интегральная*, действующая в рамках секулярного вектора социокультурной динамики, и *организационно-практическая*, замкнутая на его ортодоксию и новую религиозность, – каждая по своему делали свое дело. Результатом этого становилось вызревание органического характера перерастания культуры Серебряного века в культуру Советской эпохи, эпохи «русского ренессанса» в эпоху «русской реформации». Радикальный разрыв с ветхой патриархальностью в форме массового религиозно-социального движения, религиозно-светского обновления был предпринят самой логикой культурного развития.

Духовная неустроенность всей культуры Серебряного века последнего предреволюционного десятилетия, воплощенная, в частности, в торжестве декаданса и авангарда, как бы на прямую обращалась к *иному*, к трансцендентному, к мужскому началу социума, как способу разрешения своих внутренних проблем. И то, с каким дребезгом рассыпался рафинированный декаданс и с каким восторгом воспринял дух революции «засидевшийся в тепле» авангард, свидетельствует, как и многое другое, о том, что сам факт радикальной социально-религиозной революции был в высшей степени ожидаемым. В «Судьбе России» Н. Бердяев отмечал органическое стремление России к мужскому началу Германского духа. Но он еще не констатировал того факта, что формой его воплощения для России станет *марксизм*, понятый в широком контексте актуальной социокультурной динамики.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НАКОПЛЕНИЯ И ОБМЕНА ИНФОРМАЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л.С. Большедворова (Минск, Беларусь)

Современные технологии в науке и образовании значительно расширили возможности обмена, накопления и эффективного использования новых мировых достижений ученых в разных странах.

Международные наукометрические базы данных (МНБД) позволяют оперативно вводить в научный оборот все наиболее значимые исследования, а также они служат объективным критерием оценки вклада исследователей, научных учреждений и учреждений образования при составлении рейтингов.

При оценке эффективности научно-исследовательской деятельности образовательных и научных учреждений большое внимание уделяется показателям цитируемости авторов и научных изданий в ведущих зарубежных базах научного цитирования (*Web of Science* и *Scopus*). Белорусские исследователи могут повысить свои индивидуальные показатели, публикуясь в изданиях, индексируемых этими базами.

Наиболее авторитетные МНБД – *Web of Science* (WOS) и *Scopus*.

В аналитической цитатной базе данных WOS гуманитарные науки составляют 30 %. Этот ресурс размещается на поисковой платформе *Web of Knowledge*, объединяющей реферативные базы данных публикаций в научных изданиях, и охватывает материалы по естественным, техническим, биологическим, общественным и гуманитарным наукам и искусству. Платформа имеет возможности поиска, анализа и управления библиографической информацией.

Scopus – крупнейшая мультидисциплинарная библиографическая и реферативная база данных. Гуманитарные науки в этом ресурсе составляют 17 %.

Преследуя цель разместить научное издание в МНБД, нужно определить, какую роль выполняет данное издание в отечественном научном сообществе и насколько информация издания свидетельствует о развитии данного направления науки в нашей стране, степени ее интеграции в мировую науку, публикуемости отечественных авторов в экспертных изданиях за рубежом и т.д.